

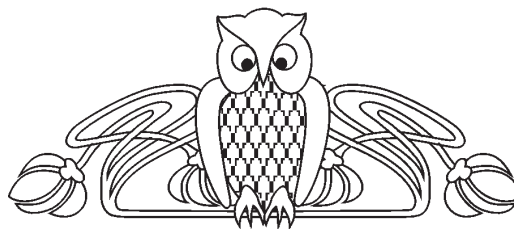

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 146–150
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 146–150
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-146-150>, EDN: IRHBMV

Научная статья
УДК 316.754:1

Риски искажения природы нормы в современном социуме

К. М. Креписов

Россия, 454071, г. Челябинск, ул. Первой пятилетки, д. 14-304

Креписов Константин Михайлович, кандидат философских наук, независимый исследователь, krepisov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6991-2935>

Аннотация. Введение. Предпринята попытка проследить процессы нормативного регулирования в современном обществе и его закономерности; исследована природа нормы и трансформации восприятия нормативного поля человеком; осуществлен анализ стереотипов нормы в структуре общественных отношений. **Теоретический анализ.** Методологическая база исследования опирается на действие принципа единства исторического и логического, структурирована в рамках принципа материалистического понимания истории. Анализ осуществлен при помощи методов социальной философии – герменевтического, историко-сравнительного, а также с учетом возможностей диалектики. В исследовании состояний социальной неопределенности и при обосновании статуса человека как человека нормы применяется принцип восхождения от абстрактного к конкретному. **Заключение.** Исследование причин и закономерностей трансформации нормативного регулирования позволяет сделать вывод, что норма в системе общественных отношений являет себя как необходимость в фиксации общественного отношения и как свобода через представление о ней в деятельности человека. Нарушение данного диалектического единства ведет к деструктивным явлениям в общественных процессах и служит онтологическим основанием расширения нормативного отчуждения человека. Фиксируемая мировоззрением человека норма формируется в процессах его самоопределения.

Ключевые слова: норма, деятельность, культура, человек, социум, свобода, отчуждение

Для цитирования: Креписов К. М. Риски искажения природы нормы в современном социуме // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 146–150. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-146-150>, EDN: IRHBMV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Risks of distortion of the nature of the norm in modern society

K. M. Krepisov

14-304 First five-year plan St., Chelyabinsk 454071, Russia

Konstantin M. Krepisov, krepisov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6991-2935>

Abstract. Introduction. The authors of the article attempt to trace the processes of normative regulation in modern society and its patterns; the nature of the norm and the transformation of human perception of the normative field are investigated; the analysis of stereotypes of the norm in the structure of public relations is carried out. **Theoretical analysis.** The methodological basis of the research is based on the principle of the unity of historical and logical, structured within the framework of the principle of a materialistic understanding of history. The analysis is carried out using the methods of social philosophy – hermeneutical, historical and comparative, as well as taking into account the possibilities of dialectics. In the study of states of social uncertainty and in substantiating the status of a person as a person of the norm, the principle of ascending from the abstract to the concrete is applied. **Conclusion.** The study of the causes and patterns of transformation of regulatory control allows us to conclude that the norm in the system of public relations manifests itself as a need to fix public relations and as freedom through the representation of it in human activity. The violation of this dialectical unity leads to destructive phenomena in social processes and serves as an ontological basis for the expansion of the normative alienation of a person. The norm fixed by a person's worldview is formed in the processes of his or her self-determination.

Keywords: norm; activity, culture; person, society, freedom, alienation

For citation: Krepisov K. M. Risks of distortion of the nature of the norm in modern society. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 146–150 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-146-150>, EDN: IRHBMV

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В условиях геополитической нестабильности в мире проблемы политической сферы обретают особую актуальность. Следует констатировать, что человечество сегодня находится в перманентном состоянии войны, которое затрагивает не только сферу международного взаимодействия, но внутренние отношения отдельных социумов. В частности, уже традиционно информационно-коммуникационная среда трактуется как поле боя, в том числе и за умы социальных субъектов. Эти процессы вступают в острый конфликт с ожиданием человека устойчивости социальной сферы. Социальное становится качественно размытым. В результате нарушается привычная нормативность на всех уровнях социального бытия, снижается эффективность нормативного управления [1].

В попытке восстановить упорядоченность общественных отношений и в конструировании собственного жизненного мира человек вынужденно становится человеком-нормой. Последнее означает, что у социального субъекта появляется новая сложная социальная функция – в рефлексиях традиционных норм, в попытках конструирования новых форм нормативности трансформирующихся общественных отношений каждый берет авторскую ответственность за ту или иную норму.

При этом в силу обозначенных причин норма как противоположность текучести начинается позиционироваться исключительно как запрет. Это выражается в том, что, например, даже история законов начинает трактоваться как исключительно как история власти. В свою очередь, отрыв принудительности от регулирования начинает формировать негативное отношение к норме. В частности, становится возможным допущение, что правовой закон может быть деконструирован [2]. Следствием становится возрастающая тенденция превращения свободы человека в симулякр. Стереотип нормы как комплекса простых правил поведения способствует формированию нигилистических стратегий в обществе, в том числе и террористических тенденций. В результате человечество попадает в некий нормативный герменевтический круг, последствия которого социально деструктивны. Фейки и дезинформация только расширяют деструктивное поле современной социальной нормативности.

Теоретический анализ

Сравнительный анализ современных исследований проблемы социальной нормативности позволяет сделать вывод о том, что решение сложившейся ситуации возможно возвращением норме ее объективного статуса. Именно норма лежит в основе адаптации человека к процессам социума. При этом норма объективно складывается и воспроизводится в пересечении субъективных волей человека. Показательно, что социальные и гуманитарные науки сегодня критикуют концепцию нормы как внешнего фактора регуляции поведения человека. В частности, в признании особого статуса политической нормы особо указывается, что политическое утверждение не может ограничиваться областью знания для субъекта. Его эффективность и даже легитимность во многом зависимы от выполнения функции понимания. Понимание следует считать нормой политического дискурса [3].

Вместе с тем современная политология не свободна от субъективистских концепций нормы. В частности, Р. М. Дворкин настаивает на том, что политическая норма основывается на принципе ограничения на одобрение. Действие этого принципа выводит саму легитимность политического института из степени одобрения тех, на кого распространяются соответствующие политические нормы, включая и тех, чьи ценности идут вразрез с данным политическим институтом [4]. При некоторой абсолютизации данного положения можно предположить тенденцию конвенциональной трактовки политических норм.

Основным риском сомнения в объективности закономерности нормы как регулятора выступает потеря человеком собственной осознанной воли. Ведомый статус коварен тем, что данная форма отказа от свободы всегда закамуфлирована, привлекательна видимым снижением степени ответственности. Складывается противоречивая ситуация, когда человек стремится избежать действия социальной манипуляции при одновременной готовности быть манипулируемым. В сфере общественного сознания институт блоггерства насаждает множество «моделей» успеха, биохаккинга. Потребляя такой контент, человек одновременно создает иллюзию некоторой новой нормативности и выражает готовность быть ведомым. В частности, молодые девушки типизируют свою внешность, принимая гламурные требования в

качестве нормы. В качестве причин таких поведенческих стратегий обозначают функционал идеологического воздействия, который сегодня расширяют до сферы информационного воздействия в целом. Но индоктринируемость как актуальный смертный грех имеет реальные корни в социальных взаимодействиях, а не вызвана простыми предпочтениями в информационном поле [5]. В основе такого поведения лежит фундаментальная замена процедуры понимания (т. е. обнаружения смысла происходящего) процедурой доверия. К. Лоренц указывает на значимость границ возможной достоверности процесса познания как объективного основания возможности попасть под действие той или иной доктрины. И это справедливо в отношении самой человеческой способности познавать. Однако в анализе структуры общественных взаимодействий эпистемологического объяснения недостаточно. Доверие как своеобразная новая норма встраивания в социальные отношения рождается вследствие попыток лишить норму объективного основания. Если норма исключительно субъективна, то одним из способов снизить ее принудительное давление и даже своеобразным образом обезопасить себя от ее функционала выступает принятие воли Другого в качестве некоторого непогрешимого фактора. В результате право сильного обретает новые формы (цит. по: [6]). Вне видимого насилия оно служит фактором порабощения. Особенно наглядно данные процессы разворачиваются в геополитической сфере, где самостоятельность решения уступает место процедуре принятия чье-то мнения, даже в ущерб своему интересу. Это позволяет констатировать, например, что знание не может гарантировать ничего, тогда как понимание гарантирует все. Реальное нормативное регулирование требует от человека рефлексивной оценки причин и способности видеть, как эти причины подтверждают то, что он принимает в качестве нормы. В политике это приобретает особую значимость, так как политическая норма в противном случае становится бессмысленной. В частности, если избирательная компания строится только на доверии к чьему-то мнению, то ее политическая легитимность вызывает сомнение. Политическая норма работает только тогда, когда в акте голосования человек не только понимает причины своего действия, но и лонгирует действие этих норм

через понимание того, как эти причины обосновывают его выбор, детерминируя определенное ожидаемое социальное состояние [7, 8].

Сведение нормы к акту субъективных волеизъявлений не просто провоцирует рост политических безответственных утверждений. Норма проявляет себя не только в механизмах свободы, она объективирована в формах культуры, закрепляя собой результаты деятельности человека в целом. В логике социального развития данный факт отражает близость нормы и ценности [9]. Сложность аксиологической сферы общества в том, что сами ценности провоцируют оценочное отношение человека к происходящему. В условиях очень быстрой трансформации многих социальных процессов складывается объективная ситуация, когда соответствующие нормы не успевают за этими изменениями. В результате границы норм деструктивно нарушаются. Сегодня часто наблюдается смешение, например, правовой и моральной нормы, а сами ценности сводятся к простой оценке. И, например, закон, который фиксирует правовую норму начинает позиционироваться в дилемме «хороший-плохой». При этом оценка касается не правового акта, а непосредственно социальной практики. В результате откровенно деструктивные явления получают оправдание. Например, в делении насилия на «хорошее» и «плохое» [10].

В срезе современной политики сегодня закрепляется деление религиозного (незаконного) и нерелигиозного (законного) насилия. Тем самым в стремлении обуздать террор происходит оправдание войны. В самой юридической практике ориентация на «хорошие» законы не только расширяет сферу законов «на бумаге», но и приводит к нерациональному использованию экономических ресурсов. К сожалению, многие законы, ориентированные, например, на защиту здоровья, не воспроизводятся в повседневной жизни человека. Запрет на курение в общественных местах не снижает потребление табачных изделий. Человек парадоксально сочетает в себе следование принципам здорового питания и расслабление табачным дымом. Соответственно, экономические затраты на поддержание здоровья не снижаются. Можно констатировать и более глубокие последствия в самом социальном бытии: социальная закономерность все более обретает черты симулякра воли человека. Отчасти это объясняет и процесс разрастания

мифа в самых разных формах в жизни современного человека [11]. Миф питается своим сущностным основанием: закономерность, необходимость и норма синкретичны в истоке социальности. И вместе с тем мифологичность сознания современного человека в обратной связи вскрывает противоречия поля норм. В силу внутренних объективных закономерностей миф всегда настаивает на внутренней природе нормы. Обозначенная синкретичность нормы и закономерность в мифе не могут быть позиционированы в качестве внешней принудительной силы в отношении человека. Получается, что современный человек нормы своими действиями пытается воспроизводить ее как внешний фактор своего существования, тогда как объективно норма носит характер его родового свойства. Миф в культуре одним из первых закрепляет понимание человеком нормы в качестве осознанного механизма взаимодействия человека со средой и себе подобными. Отсюда норма не может быть семантически закрепленным правилом поведения. В норме человек снимает автономность Разума во взаимодействии с миром.

Норма как регулятор общественных отношений формируется в пересечении действий воле отдельных людей [12]. Действие нормы происходит через разрешение противоречия между тем, что есть, и ожиданием того, что должно быть, реализует свободу человека. Это объясняет общность механизма действия различных по содержанию конкретных социальных норм, которые объективируют состояние соответствующих форм общественных отношений. Как любая другая социальная закономерность она объективна, а субъективность ее оформления вторична. Субъективная сторона нормы – это раскрытие творческого потенциала человека, его способности быть выше наличной ситуации, его свободы. Субъективизм в отношении нормы косвенно рождает волюнтаризм. Последствия, к сожалению, в социальной практике весьма серьезны. Современная культура либо пытается сконструировать некие новые добродетели, создавая новые кодексы, например, в реформировании системы образования как эталоны поведения человека, либо вовсе отрицает такую черту человека [13]. А еще Платон предупреждал человечество о недопустимости отождествления знания и мнения [14]. Сведения нормы к мнению может рассматриваться в

качестве одной из причин жесткого политического режима. Помимо этого, лишение нормы объективного статуса косвенно возрождает метафизический принцип понимания свободы как познанной необходимости, что почти автоматически влечет превращение человека из цели в средство.

Заключение

Преодоление кризисного состояния современного человечества – процесс длительный и сложный. Во многом все зависит от рефлексивной способности человека и критического анализа происходящего. Одним из значимых моментов представляется корректное воссоздание нормативного регулирования общественных отношений. Социальная действительность сверхчувственна в силу того, что необходимость здесь обязательно включает сознательный фактор. Все ее элементы раскрывают свою истинную природу тогда, когда воспроизводятся человеком. Это свойство социального не дано от природы, но и не создается сознанием человека. Оно рождено деятельностью, а сознание только признает сверхчувственность. Сложность нормативного регулирования в том, что признание сознанием наличия нормы способно формировать иллюзию ее абсолютной автономности, что влечет сведение ее к своду запретов и правил, а впоследствии и к возможному отрицанию ее объективной природы. В реалиях директивности нормы не тождественна необходимости. Ее директивный характер есть следствие диалектики необходимости и свободы, проявленной в деятельности человека.

Список литературы

1. Креписов К. М. Цивилизационная демаркация правовой нормы // Мировоззренческие основания культуры современной России : сб. тр. междунар. науч. конф. / под общ. ред. В. А. Жилиной. Магнитогорск : МГТУ, 2022. С. 78–81. EDN: YMNTTB
2. Glendinning S. Derrida and the Philosophy of Law and Justice // Law Critique. 2016. Vol. 27. P. 187–203. <https://doi.org/10.1007/s10978-016-9183-2>
3. Gordon E. C. Understanding of the norm of political discourse // Synthese. 2023. Vol. 201. Art. 198. <https://doi.org/10.1007/s11229-023-04183-6>
4. Dworkin R. M. Sovereign Virtue: The Theory and Practice of Equality. Cambridge, MA ; London : Harvard University Press, 2000. 511 p.

5. Жилина В. А., Жилин А. Ю. Мифы статуса конфликта в социальном развитии // Социум и власть. 2015. № 2 (52). С. 19–21. EDN: TTLWMB
6. Жилина В. А. Проблема отчуждения в современных условиях // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 38 (329). С. 7–10. EDN: RVUTCZ
7. Bowrey K. The outer limits of copyright Law – where Law meets philosophy and culture // Law and Critique. 2001. Vol. 12. P. 75–98. <https://doi.org/10.1023/A:1011289228679>
8. Cranor C. F. A philosophy of risk assessment and the law: A case study of the role of philosophy in public policy // Philosophical Studies. 1997. Vol. 85. P. 135–162. <https://doi.org/10.1023/A:1004219131235>
9. Невелев А. Б. Проблема ценностно образующего основания // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 7 (477). С. 5–12. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2023-477-7-5-12>
10. Schmiedel U. The myth of Muslim violence: Theorizing religion in the war on terror // Zeitschrift für Religion, Gesellschaft und Politik. 2023. Bd. 7. S. 729–750. <https://doi.org/10.1007/s41682-023-00158-z>
11. Cavanaugh W. T. Religious violence as modern myth // Political Theology. 2014. Vol. 15, iss. 6. P. 486–502. <https://doi.org/10.1179/1462317X14Z.00000000094>
12. Креписов К. М. Норма в деятельности человека: диалектика необходимости и свободы: дис. ... канд. филос. наук. Челябинск, 2024. 22 с.
13. Маркузе Г. Одномерный человек / пер. с англ. А. А. Юдина. М.: АСТ; Ермак, 2003. 336 с.
14. Платон. Государство. Законы. Политика / предисл. Е. И. Темнова. М.: Мысль, 1998. 798 с.
2. Glendinning S. Derrida and the Philosophy of Law and Justice. *Law Critique*, 2016, vol. 27, pp. 187–203. <https://doi.org/10.1007/s10978-016-9183-2>
3. Gordon E. C. Understanding of the norm of political discourse. *Synthese*, 2023, vol. 201, art. 198. <https://doi.org/10.1007/s11229-023-04183-6>
4. Dworkin R. M. *Sovereign Virtue: The Theory and Practice of Equality*. Cambridge, MA, London, Harvard University Press, 2000. 511 p.
5. Zhilina V. A., Zhilin A. Yu. Myths status conflict in social development. *Society and Power*, 2015, no. 2 (52), pp. 19–21. EDN: TTLWMB
6. Zhilina V. A. The problem of alienation in modern conditions. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2013, no. 38 (329), pp. 7–10. EDN: RVUTCZ
7. Bowrey K. The outer limits of copyright Law – where Law meets philosophy and culture. *Law and Critique*, 2001, vol. 12, pp. 75–98. <https://doi.org/10.1023/A:1011289228679>
8. Cranor C. F. A philosophy of risk assessment and the law: A case study of the role of philosophy in public policy. *Philosophical Studies*, 1997, vol. 85, pp. 135–162. <https://doi.org/10.1023/A:1004219131235>
9. Nevelev A. B. The problem of the value-forming foundation. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2023, no. 7 (477), pp. 5–12. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2023-477-7-5-12>
10. Schmiedel U. The myth of Muslim violence: Theorizing religion in the war on terror. *Zeitschrift für Religion, Gesellschaft und Politik*, 2023, Bd. 7, S. 729–750. <https://doi.org/10.1007/s41682-023-00158-z>
11. Cavanaugh W. T. Religious violence as modern myth. *Political Theology*, 2014, vol. 15, iss. 6, pp. 486–502. <https://doi.org/10.1179/1462317X14Z.00000000094>
12. Krepisov K. M. *The norm in human activity: The dialectics of necessity and freedom*. Diss. Cand. Sci. (Filos.). Chelyabinsk, 2024. 22 p.
13. Markuse G. *One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society*. Boston, Beacon Press, 1964. 284 p. (Russ. ed.: Moscow, AST, Ermak, 2003. 336 p.).
14. Platon. *Gosudarstvo. Zakony. Politika* [State. Laws. Politics]. Moscow, Mysl', 1998. 798 p.

References

1. Krepisov K. M. Civilizational demarcation of legal norms. In: Zhilina V. A., total ed. *Mirovozzrencheskie osnovaniya kultury sovremennoy Rossii: sb. tr. mezhdunar. nauch. konf.* [The Worldview Foundations of Modern Russian Culture: Collect. works of Intern. sci. conf.], Magnitogorsk, MGТУ Publ., 2022, pp. 78–81. EDN: YMNTTB

Поступила в редакцию 25.04.2025; одобрена после рецензирования 24.10.2025; принята к публикации 12.03.2026
The article was submitted 25.04.2025; approved after reviewing 24.10.2025; accepted for publication 12.03.2026